

А.К. Дудайти

Большой Кавказ в мировой геополитике (состояние и перспективы развития политических процессов в Кавказском районе)*

А.К. Дудайти **

С учетом тех важных обстоятельств, о которых пойдет речь ниже, политические процессы, протекающие в районе Большого Кавказа, вряд ли нуждаются в доказательстве их актуальности. Они носят сложный, порой противоречивый характер и находятся под воздействием многих факторов, связанных как с внутриполитическим, экономическим и социальным развитием государств, расположенных в этом районе, так и кавказской политикой на Кавказе России, США, ведущих стран – членов Евросоюза, а также региональных игроков в лице Турции, Ирана, Саудовской Аравии. Влияние этих факторов на общественно-политические процессы в районе Большого Кавказа исключительно высокое: в конечном счете, именно под их воздействием формируется здесь новая геополитическая конфигурация в условиях многополярного мира.

В силу возрастающей роли и места района Большого Кавказа в мировой геополитике интерес к современной кавказской проблематике в нашей стране и за рубежом продолжает оставаться высоким. Отечественная научная литература пополняется новыми исследованиями, которые посвящены этнополитическим, этносоциальным, этноэкономическим процессам на Кавказе, вопросам межнациональных отношений, межконфессионального взаимодействия и т.д. Безусловно, это положительное явление, хотя следует указать и на то, что некоторые из работ страдают отсутствием глубокого, научно обоснованного подхода к исследованию указанных выше проблем. В массе мониторингового материала, содержащегося в них, зачастую даются противоположные оценки и выводы относительно событий, происходящих на Кавказе, а также перспективы их дальнейшего развития. Так, авторы одних публикаций пытаются успокоить общество заявлениями о том, что на Кавказе у России практически нет никаких проблем, что «здесь все находится под российским контролем», другие же, наоборот, заинтересованные в подогреве панических настроений, утверждают, что «Кавказ стремительно ускользает из-под влияния России». Но в действительности и те и другие в лучшем случае лукавят: в многочисленных аналитических обзорах, содержащихся в их публикациях, не отражается та сложная, многогранная картина политических процессов, которая просматривается на Кавказе в нынешних условиях, а выводы, как правило, недостаточно обоснованы. В этой связи отечественный ученый-кавказовед В.В. Дегоев справедливо замечает, что «разобраться в сопутствующей

тональности не так уж сложно: в заупокойной стилистике столько же идеологически заказного, сколько и в бравурной» [1].

Между тем экспертное разночтение современных проблем Кавказа «подливает масло в огонь» в распространении среди части российского электората «ультра патриотических» настроений. И вот уже из этого лагеря раздаются голоса, что «пора прекратить кормить чужих кавказцев», что России надо оставить Северный Кавказ, отгородиться от него чуть ли не «железным занавесом» и т. д. и т. п. Кавказская тема поднимается «ультра патриотами» при каждом удобном случае, целенаправленно, с завидным упорством. Нет никакого смысла лезть в дебри этих ненужных дискуссий: оставим их на совести тех, кто насаждает в российском обществе подобные настроения. Отметим только, что в реальности в современной России никто не кормится за чужой счет, если при этом иметь в виду ее многонациональный народ, а не руководящий истеблишмент в отдельных российских субъектах. Рядовые граждане России, включая тех, кто живет в ее северокавказских субъектах, в равной мере заинтересованы в эффективном развитии страны, ее выдвижении в ряды ведущих держав мира. В многонациональной России провокационные игры с размежеванием ее граждан по этнической принадлежности и религиозной вере наиболее опасны. Вылазки «ультра патриотов» наносят непоправимый вред российской государственности, они направлены на разрушение России: в лучшем случае, ставят целью ее децентрализацию и регионализацию, т. е. усиление власти на местах в противовес федеральному Центру, а в худшем – способны поставить под вопрос само существование России как единого, целостного государства. Не случайно президент В.В. Путин подверг уничтожающей критике идеи «ультра патриотов» об отделении Северного Кавказа. В своем интервью чеченским журналистам по поводу 60-летия со дня рождения первого президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова (23 августа 2011 г.) он заявил: «Как только какая-то страна начинает отторгать от себя проблемные территории – это начало конца всей страны» [2].

За бесконечными рассуждениями о том, нужно ли России сохранить свое влияние и позиции на Кавказе, как-то стало уходить из поля зрения то, насколько стремительно растет актуальность этой проблемы. В данном случае она состоит в том, что цена несостоятельности кавказской политики является слишком

* Доклад на Общем собрании ВНЦ РАН и РСО-А 7 апреля 2013 г.

**Дудайти А.К. – док. ист. наук, проф. Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

высокой для нашей страны. Не будем мудрствовать и посмотрим правде в глаза: на всем протяжении 90-х гг. минувшего столетия Россия в противоборстве с ведущими геополитическими игроками в районе Большого Кавказа постепенно скатывалась на вторые роли, что могло иметь для нее катастрофические последствия. Мог ли такой финал быть случайным явлением, роковым стечением обстоятельств? Скорее нет, чем да. Кавказская политика России того периода справедливо подвергается критике. Главными ее недостатками были вялость и пассивность; складывалось впечатление, что Москва добровольно отдает инициативу в руки других геополитических игроков. В результате начавшийся после развала СССР отход России на север привел к нарушению сложившегося в XX в. геополитического равновесия на Кавказе и складыванию здесь качественно новой ситуации с геостратегической точки зрения. Она выражалась в заметном снижении влияния России и усилении присутствия в этом районе нерегиональных сил – США и их партнеров по НАТО. Кавказ занял важное место в американском проекте Большого Ближнего Востока (ББВ), предусматривающего создание нового, контролируемого Вашингтоном геополитического объединения, призванного заполнить тот «политический вакуум», который образовался в регионе после прекращения существования СССР. При этом роль составных частей проекта ББВ была отведена всем государствам Центральной Азии и Южного Кавказа, которые должны были объединиться с расположенными к югу от них странами. В случае успеха данного проекта Россия окончательно потеряла свои кавказские позиции, что могло привести к судьбоносным изменениям на постсоветском пространстве, а также в масштабах всей Евразии, центр которой оказывался под полным контролем США.

Стартовые условия для реализации стратегических планов США и их атлантических союзников на Кавказе были созданы вскоре после объявления президентами России, Украины и Белоруссии, собравшимися в декабре 1991 г. в Беловежской пуще, о ликвидации Советского Союза. После прекращения существования некогда могучей страны как единой и объединяющей государственной организации в районе Большого Кавказа развернулась «большая геополитическая игра», которая теснейшим образом переплеталась с проблемами безопасного и мирного развития для российских субъектов на Северном Кавказе и одновременно для молодых государств Южного Кавказа – Грузии, Азербайджана и Армении. Характерной чертой политического и социально-экономического развития последних являлось сохранение в неурегулированном состоянии пограничных проблем и высокий уровень конфликтности, базирующийся на межэтнических и этнотерриториальных разногласиях, трансформирующихся в фазу острого вооруженного противостояния. Такой характер стал носить, в частности, конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за территории Нагорного Карабаха, а также конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией – бывшими автономиями, обозначившими свое стремление к политической самостоятельности. Разрушительная сила вооруженных конфликтов стала реальной с самого начала существования государств Южного Кавказа; она имеет место сегодня и, судя по всему, сохранится в обозримом будущем.

Уже в первые годы своей независимости закавказские государства (прежде всего речь идет о Грузии

и Азербайджане) взяли курс на сближение с США и другими ведущими странами Запада, одновременно сворачивая исторически сложившиеся отношения с Россией. В это же время ускорилось развитие политических процессов в субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе. Здесь актуализировалась проблема т. н. «разделенных народов» – осетин, лезгин, чеченцев, оказавшихся частично в разных государствах, со всеми вытекающими последствиями. С другой стороны, наблюдался бурный рост национального самосознания северокавказских народов, тесно связанный в политической практике с государственно-национальным строительством. Эти процессы сопровождались заметной активизацией сил, объединенных в разные этнополитические движения, стремившихся к отделению Северного Кавказа от России и противоборству с ней. Росли антироссийские настроения в регионе также в идеологической и конфессиональной сфере, прежде всего, с опорой на непримиримые формы ислама.

Складывающаяся в районе Большого Кавказа сложная ситуация послужила сигналом для активизации здесь деятельности США и других ведущих стран Запада. В результате закавказские государства постепенно стали втягиваться в орбиту западного влияния; параллельно различные зарубежные партии и организации приступили к т. н. «миссионерской деятельности» на российской территории, в Северокавказском регионе. Из-за рубежа началось финансирование процессов осознания северокавказскими народами своей национальной, культурной и религиозной идентичности, т. е. исключительности и стремления к независимости от России. В результате создавалась ситуация, когда вследствие растущих кавказских проблем, а также невнятной, зачастую противоречивой политики Россия могла лишиться в регионе своих позиций.

При рассмотрении стратегического курса США и других стран Запада в районе Большого Кавказа условно можно выделить два периода, в ходе которых реализовывались здесь их внешнеполитические акции: 1) конец 80-х – 90-е гг. XX в.; 2) с начала XXI в. по настоящее время. В основе этой периодизации лежит учет как внешних факторов, связанных с деятельностью внешних игроков на Кавказе, так и факторов внутреннего характера, тесно взаимосвязанных с проблемами, сопровождающими сложные общественно-политические процессы на постсоветском пространстве, включая Кавказский район.

В начале 90-х гг. политика Запада в кавказском направлении носила внешне сдержанный характер. В западных столицах имело место понимание того, что доминирующая роль на постсоветском пространстве принадлежит Российской Федерации как правопреемнице СССР, и поэтому там избегали открытого включения бывших советских республик Южного Кавказа в сферу своих стратегических интересов. По мнению некоторых видных представителей дипломатического корпуса США, западным промышленным странам следовало оказать поддержку властным режимам в Закавказье. Но при этом нельзя было игнорировать в регионе доминирующие позиции России путем принятия на себя каких-либо конкретных обязательств [3]. В декабре 1991 г. США официально признали Азербайджан и Армению, а 1992 г., после свержения режима З. Гамсахурдиа, были установлены дипломатические отношения с Грузией.

В эти годы приоритетное место в кавказской стра-

тегии США занимала геоэкономическая составляющая. Американское присутствие в основном ограничивалось Азербайджаном, имеющим перспективные источники нефти и газа. Кроме того, он рассматривался в Вашингтоне как плацдарм для распространения американского влияния в Кавказско-Каспийском регионе. С учетом этого обстоятельства видный американский политик З. Бжезинский считал, что власти Азербайджана должны пользоваться активной поддержкой со стороны Белого Дома. Объяснением этому служил не только факт наличия в азербайджанской части каспийского шельфа богатых нефтяных и газовых месторождений, но и суждение, что «первоочередными объектами Москвы для политического подчинения представляются Азербайджан и Казахстан». При этом политик полагал, что достижение доминирования в Азербайджане помогло бы России упрочить позиции в Армении и Грузии, чего, на его взгляд, нельзя было допустить [4].

Уже в первые годы независимого существования Азербайджана на ее территории развернулась активная деятельность западных нефтяных фирм и компаний. 20 сентября 1994 г. в Баку было заключено соглашение, которое ввиду его огромной значимости получило название «контракт века». Оно вошло в список самых крупных контрактов – как по количеству углеводородных запасов, так и общему объему предполагаемых инвестиций (45 млрд долл.). В соглашении о долевом распределении продукции глубоководных месторождений «Азери», «Чыраг» и «Гюнешли» вошли 13 компаний (Амоко, БП, МакДермотт, Юникал, ГНКАР, ЛУКОЙЛ, Статойл, Эксон, Туркиш петролеум, Пензойл, Иточу, Ремко, Делта) из 8 стран (Азербайджан, Турция, США, Япония, Великобритания, Норвегия, Россия и Саудовская Аравия). «Контракт века» открыл путь к подписанию еще 26 соглашений с участием 41 нефтяной компании из 19 стран мира. В декабре 1994 г. Милли Меджлис (парламент) Азербайджанской Республики ратифицировал «контракт века», после чего он обрел юридическую силу [5]. Главенствующее положение в большинстве контрактов занимали американские фирмы и компании: именно от них зависели «скорость» освоения энергоресурсов и сроки появления на мировых рынках каспийской нефти.

Со второй половины 90-х гг. интерес Запада к Кавказско-каспийскому региону значительно возрос, поскольку здесь были обнаружены крупные нефтяные и газовые источники. Так, по данным Министерства энергетики США, нефтяные ресурсы каспийского региона составляли от 17 до 33 млрд баррелей, потенциальные же запасы были равны 230 млрд баррелей; объемы разведанного газа приближались к отметке 232 трлн куб. футов, а в перспективе ресурсы могли составить почти 350 трлн куб. футов. Столь значительные запасы энергоносителей давали основание считать каспийский регион «наиболее значительным игроком на мировом нефтяном рынке в предстоящем десятилетии» [6]. По словам тогдашнего госсекретаря США Дж. Бейкера, «в XXI в. каспийская нефть может иметь такое же значение для индустриального мира, какое сегодня имеет нефть региона Персидского залива» [7].

В результате Кавказско-Каспийский регион приобрел статус важного стратегического узла мировой политики, в который оказались втянутыми не менее 30 государств, среди них страны глобального масштаба – США, Япония, КНР, Россия. Кроме углеводородов,

регион располагал другими полезными ископаемыми – железной, медной и хромовой рудой, глауберовой солью, хлоридами, фосфоритами, асбестом и т. д. В Каспийском море сосредоточено около 90 % мировых запасов осетровых рыб, которые вместе с черной икрой составляют немалую часть экспорта прикаспийских стран [8]. Но, при всей важности рыбных и минеральных богатств, прежде всего энергоносители способствовали превращению Кавказско-Каспийского региона в зону высокой экономической и политической активности. С другой стороны, он стал объектом повышенного внимания не только из-за богатых запасов углеводородов и полезных ископаемых, но и особенностей геополитического порядка: прежде всего, в столицах ведущих стран Запада были заинтересованы в обеспечении надежной безопасности энергетических и транспортных коммуникаций, проходящих здесь. США и их союзникам по атлантическому альянсу не удавалось полностью решить проблему обеспечения натовских войск в Афганистане, поэтому они все больше вынуждены были ориентироваться на каспийский маршрут «Северной распределительной сети». В этом отношении заключенные с государствами Средней Азии соглашения только увеличивали вес и значение маршрута на Кавказе, являющегося важнейшим узлом международных торгово-экономических связей, пересечением торговых путей по линии Восток – Запад и Север – Юг.

Вышеуказанные обстоятельства предопределили развертывание в районе Большого Кавказа «большой геополитической игры», дирижером в которой выступили США. В 1997 г. Кавказско-Каспийский регион был объявлен Конгрессом США «зоной жизненно важных американских интересов», а главные цели американской политики здесь были сформулированы в докладе специального советника Госдепартамента С. Сестановича. Они заключались в следующем:

- укрепить независимость и суверенитет появившихся на постсоветском пространстве молодых государств через поощрение экономических и политических реформ, направленных на построение рыночной экономики и современной демократии;
- снизить здесь вероятность развязывания региональных конфликтов через оказание новым государствам помощи в мирном разрешении имеющихся конфликтных ситуаций;
- активно содействовать развитию регионального сотрудничества в области безопасности;
- способствовать развитию энергетического потенциала региона и строительству транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с развитыми мировыми центрами [9].

Район Большого Кавказа превращался в арену острого, непримиримого соперничества геополитических конкурентов России – государства, в отношении которого США, транснациональные корпорации, другие центры мировой политики делали все, чтобы ослабить его, сделать зависимой от западных технологий и капиталов. При этом геополитические конкуренты России применяли разные приемы и средства, чтобы достичь конечной цели: расчленения страны на отдельные региональные республики: Европейскую, Сибирскую и Дальневосточную [10].

Для надежного обеспечения интересов США на Кавказе в рамках Госдепартамента и Совета безопасности были созданы т. н. каспийские структуры, в работе которых приоритетным направлением было

определено «формирование будущего Кавказского региона» [11]. При этом базовую основу американской стратегии составляло выдавливание России с Южного Кавказа и максимальное ослабление ее позиций в Северокавказском регионе. Главным инструментом реализации этой стратегии была политика «двойных стандартов», сокрытие американских целей и задач заявлениями о «необходимости построения либеральной демократии», «обеспечении прав человека» и т. д. – другими словами, использование старых, испытанных приемов из внешнеполитического багажа США. Со стороны союзников по атлантическому альянсу американская политика пользовалась активной поддержкой, в том числе в рамках ООН, а также по линии ОБСЕ. С их полного согласия лидерство в участии этих организаций в налаживании тесных контактов западных стран с государствами Южного Кавказа, а также в урегулировании межэтнических и территориальных конфликтов в регионе неизменно принадлежало Соединенным Штатам [12].

Свое желание участвовать в кавказских делах в качестве лидера США наглядно продемонстрировали в ходе вооруженного конфликта между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха. Американские власти сначала были склонны к сотрудничеству с Россией в мирном его разрешении: в январе 1993 г., во время визита президента США Дж. Буша в Москву было опубликовано совместное российско-американское заявление по Нагорному Карабаху, в котором было продемонстрировано единство позиций двух стран в этом вопросе. Подчеркивалась важность скорейшего урегулирования конфликта в интересах обеспечения надежной безопасности на Южном Кавказе [13]. В последующем основные предложения по мирному разрешению нагорно-карабахского конфликта исходили главным образом от «тройки», действующей в рамках Минской группы СБСЕ [14]. Однако все ее инициативы оказались неудачными из-за непрекращающихся внутренних разногласий. Прежде всего, они заключались в том, что Россия в карабахском конфликте стремилась, поддерживая Армению, нейтрализовать поддержку Азербайджана Турцией. 21 декабря 1991 г. Армения и Россия подписали договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности, на основании которого Армения получила военные гарантии России. Российская (бывшая советская) военная база осталась на территории Армении [15].

В сложившейся ситуации не оправдались надежды, что треугольник «Вашингтон – Анкара – Москва» может быть сбалансирован благодаря США. Американская позиция в конфликте складывалась, с одной стороны, под влиянием симпатий к Армении, декларируемых армянской диаспорой в Соединенных Штатах, а с другой – намерением корректировать свою линию с позицией «атлантического» союзника – Турции. Кроме того, на подходах Вашингтона к проблеме урегулирования нагорно-карабахского конфликта сказывалась та важная роль, которую играл нефтяной контракт, подписанный в 1994 г. в Баку. В конечном счете, в вопросе его мирного разрешения США встали на сторону Турции, настаивающей на скорейшем выводе армянских вооруженных формирований с территории Азербайджана.

В 1993 г. похолодание в отношениях между США и Россией возросло в связи с планами по разработке месторождений нефти в Каспийском море и ее последующей транспортировке в Европу. В этом вопросе

Россия и Турция занимали противоположные позиции: в Москве настаивали на прохождении нефтепроводов через российскую территорию, а в Анкаре – через Турцию. Различными оказались подходы сторон также к участию в нефтяном консорциуме и доли каждой из них в разработке нефтяных месторождений. В этих условиях Россия, теряющая свои позиции в регионе, вынуждена была уступить лидерство США и ограничиться в рамках «тройки» той ролью, которая была отведена Турции.

Тем не менее в Москве не теряли надежды выступить в качестве самостоятельного посредника в мирном урегулировании конфликта. В этом отношении протокол, подписанный 5 мая 1994 г. в столице Киргизии Бишкеке при посредничестве Российской Федерации, Киргизии, а также Межпарламентской Ассамблеи СНГ, следовало расценить как несомненный успех российской дипломатии. Этот документ стал основой для заключения соглашения о прекращении огня в зоне конфликта, которое соблюдалось все последующие годы. В декабре 1994 г. на саммите СБСЕ в Будапеште было выдвинуто предложение о размещении миротворческих сил в Нагорном Карабахе. Анкара выразила готовность послать войска в зону конфликта, но население Нагорного Карабаха, не забывшее о временах турецкой оккупации в 1918 г., воспротивилось этому. В то же время Россия не проявила интереса к отправке своих миротворцев в регион, поскольку на саммите оговаривалось, что доля отдельной страны в военном контингенте по поддержанию мира не может превышать определенной квоты (1/3 часть). Но других миротворческих сил в распоряжении СБСЕ (с 1 января 1995 г. – ОБСЕ) не было. В результате отсутствие консенсуса в этом вопросе стало фактором, заблокировавшим шаги в направлении урегулирования нагорно-карабахского конфликта мирными средствами.

В последующие годы карабахская проблема стала одной из сложных в отношениях России с Азербайджаном. Доверие Баку к северному соседу было подорвано еще в самом начале нагорно-карабахского конфликта. Поражение в конфликте привело к смене Баку своих внешнеполитических приоритетов, а впоследствии – вытеснению России из Азербайджана геостратегическими и нефтяными интересами США, других западных держав, а также Турции. С тех пор Азербайджан рассматривается на Западе, как удобный плацдарм для возможного геополитического и экономического прорыва в Центральную Азию. В свою очередь эта страна не прочь играть отведенную ему Западом роль, стать «продолжением» Турции на Кавказе, что подтверждается его выбором в качестве стратегического ориентира турецкой модели развития, а также развивающимися быстрыми темпами военными, политическими и экономическими связями с Турцией. Отказавшись от российского военного присутствия в Азербайджане, Баку преднамеренно и целенаправленно идет на расширение круга своих стратегических партнеров в западном направлении, реально претендует на вступление в НАТО. В этом смысле планы расширения НАТО на восток не только не вызывают сомнений и осуждения в азербайджанской политической элите, но и расцениваются, как важный фактор укрепления коллективной безопасности в Европе. Интенсивно идет процесс милитаризации страны, в котором просматривается натовское участие, прежде всего, через Турцию.

В нынешних условиях ключевым направлением внешнеполитической стратегии Баку является восстановление территориальной целостности Азербайджана и противодействие военно-политическому сотрудничеству между Россией и Арменией. Данную задачу власти страны намерены решать при опоре на влиятельные международные организации, а также США и Турцию. Как далеко зайдет Азербайджан в этом своем стремлении – покажет время, а также действия участников этого процесса. России же необходимо активизировать свои усилия в направлении Южного Кавказа. Время политически пассивного ожидания прошло: в регионе зреет опасное военное противостояние с подключением не только региональных, но и глобальных игроков – ведущих держав Запада. Что же касается перспектив российско-азербайджанских отношений, то они во многом будут зависеть от того, как пойдет решение нагорно-карабахского конфликта, а также вызванных им последствий, а именно: утраты Азербайджаном части своих территорий, выхода Нагорного Карабаха из его состава, проблемы беженцев.

Не менее сложными являются российские отношения с Грузией. Это государство с момента провозглашения своей независимости сделала ставку на сближение с Западом, при одновременном проведении антироссийской внешней политики. В своих взаимоотношениях с Россией Грузия ведет себя неконструктивно: со времени возрождения грузинского национализма Россия воспринимается в Тбилиси как страна, заинтересованная в ослаблении Грузии и превращении ее в безропотного исполнителя российской политики на Южном Кавказе. В свою очередь Россия не склонна терять позиции в регионе и выражает готовность защищать их «по-хорошему» или «по-плохому». Прежде всего, в ответ на стремление Грузии сблизиться с США и интегрироваться в натовские структуры она начала проявлять растущий интерес к этнополитическим конфликтам в этой стране. Это было вызвано также антироссийской риторикой в грузинских националистических кругах: СССР был объявлен «модернизированной Российской империей», выход из которой должен был привести к восстановлению независимости Грузии и разрешению спорных вопросов с Абхазией и Южной Осетией по сценарию, разработанному в Тбилиси. Напряженность с автономиями росла с каждым днем, принимая все более угрожающий характер. Произошло столкновение противоречащих друг другу международных императивов в этой стране: принципа нерушимости границ Грузии и права народов Абхазии и Южной Осетии на самоопределение. Власти Грузии стремились любым путем, включая применение военной силы, сохранить бывшие автономии в составе Грузии, постараться интернационализировать грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликт путем подключения к их урегулированию США и ведущих западноевропейских стран. Тем самым в Тбилиси рассчитывали переформатировать противостояние с мятежными автономиями в конфликт Грузии с Россией, представить его как проявление российского неоимпериализма и таким образом отказаться от эксклюзивной роли России как гаранта мира и стабильности в регионе Южного Кавказа. Но в реальности конфликты в Абхазии и Южной Осетии, а также гражданская война в Самегрело могли привести к вовлечению Грузии в орбиту влияния России, а не США, чего в Вашингтоне не желали допустить. В результате симпатии, прояв-

ляемые в Москве к Абхазии и Южной Осетии, стали одной из причин ускоренного грузино-американского сближения. Соединенные Штаты незамедлительно предложили свой вариант разрешения конфликтов в Грузии, без участия России [16]. В этих условиях в Москве уже не питали иллюзий, что можно рассчитывать на грузинскую поддержку при решении важных международных вопросов (в особенности тех, где сталкивались интересы РФ с Соединенными Штатами и НАТО). Грузинское руководство рассматривало Россию как временного партнера, стремилось использовать российский фактор исключительно в тактических целях, в частности для восстановления территориальной целостности страны. В стратегическом же плане Грузия рассчитывала сблизиться с США и НАТО. Причем, если в первые годы ее независимости этот курс сдерживался наличием проблемы территориальной целостности, решить которую без содействия Москвы не представлялось возможным, то в дальнейшем он стал уже приоритетным.

После прихода к власти режима Саакашвили прозападный курс Грузии значительно активизировался. Одновременно быстрыми темпами шел процесс милитаризации страны. В 2003–2008 гг. Грузия поставила мировой рекорд по росту военного бюджета, увеличив его более чем в 33 раза. Руководство страны наращивало военный бюджет, стремясь привести свои вооруженные силы к стандартам НАТО. Бюджетом Грузии на 2008 г. были запланированы расходы министерства обороны, эквивалентные 0,99 млрд долл. США, что составило более 25 % всех доходов бюджета на тот же год [17]. Параллельно Грузия продолжала курс на разрыв отношений с РФ. В этом отношении официальный визит президента Дж. Буша в Тбилиси летом 2005 г. окончательно обозначил выход Грузии из-под политического влияния РФ и сближение с США.

Высокая активность России в закавказском направлении наблюдалась во время вторжения грузинских войск в Южную Осетию в августе 2008 г. Действия российского военного контингента по отпору грузинской агрессии кардинально изменили ситуацию в мире. Россия, оказав поддержку народу Южной Осетии, одержала исключительно важную политическую и военную победу. Учитывая стремление Грузии вступить в НАТО, в Москве допускали, что в случае успешного для нее исхода военной операции в Южной Осетии и Абхазии на грузинской территории могли появиться натовские базы с ракетными комплексами, нацеленными на российскую территорию. Другим, не менее опасным результатом могла стать дестабилизация (не без помощи режима М. Саакашвили и поддерживавшего его Запада) обстановки в ряде республик Северного Кавказа – Дагестане, Ингушетии, Чечне, Кабардино-Балкарии и возможная цепная реакция событий по чеченскому сценарию. Пользуясь поддержкой Вашингтона, грузинские власти, скорее всего, рассчитывали, что Россия не проявит должной решимости в защите Южной Осетии, опасаясь негативной реакции со стороны США, но этого не произошло. В результате решительных действий российского воинского контингента осетинское население было спасено от угрозы физического уничтожения. Уже само по себе данное обстоятельство, несмотря на развернутую в западных СМИ антироссийскую кампанию после трагических событий августа 2008 г., значительно повысило престиж России, продемонстрировавшей

решимость участвовать в кавказских делах в качестве великой державы.

Участие России в военном конфликте грузинская сторона расценила как стремление аннексировать часть законной территории Грузии. Между тем власти страны сталкиваются с другими, также сложными вопросами межэтнического характера, ждущими своего разрешения. Прежде всего, речь идет о мегрельском и сванском сепаратизме в Грузии. В последнее время в западных районах страны, в Самегрело и Сванетии, можно констатировать наличие довольно значительного конфликтного потенциала. Деятельность властей, направленная на ассимиляцию местного населения, может привести к исчезновению региональных языков – мегрельского, сванского, лазского. Ситуация осложняется тем, что население Западной Грузии испытывает значительные трудности экономического характера из-за закрытия доступа к традиционному и главному рынку сбыта своей сельскохозяйственной продукции – российскому. Попытки же властей компенсировать потерю этого рынка созданием разного рода туристических кластеров в Самегрело и Сванетии выглядят весьма сомнительной затеей, учитывая их близость к Абхазии. Мегрелы и сваны, живущие там, вынуждены будут проявлять активность, направленную против Тбилиси. В таком случае значительная часть населения Западной Грузии может присоединиться к оппозиционным выступлениям. Такой сценарий создаст сложнейшую проблему для властей, следующих курсу на создание моноэтнического государства, в основе которого лежит политика ассимиляции в единую гражданскую нацию представителей этнических, религиозных и языковых меньшинств, включая мегрелов и сванов. Реализация этой программы предусматривает проведение культурной, языковой и образовательной политики, направленной на создание максимально благоприятных условий для развития одного государственного языка – картвельского и одновременно на вытеснение из обихода региональных языков – мегрельского и сванского, до полного их исчезновения. В этих условиях излишне говорить, что в стране полностью отсутствует государственная поддержка языков национальных меньшинств, даже чисто в академическом плане. Любые требования об издании газет на региональных языках, введении в школах курса обучения этим языкам и т. д. считаются поощрением сепаратизма и враждебной антигосударственной деятельностью. Этими вопросами занимаются не только соответствующие органы – против мегрелов и сванов, как особой идентичности, работает вся государственная машина, включая оппозиционные политические партии, Грузинскую Православную церковь (ГПЦ), СМИ. «Провокационным действием» назвали власти, например, перевод на мегрельский язык Библии и известной поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» [18]. Парламент страны не ратифицировал Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств (Грузия взяла обязательство на ратификацию Хартии в 1999 г., став членом Совета Европы). Хотя в государстве, где возвращение утраченных территорий является главной проблемой, с принятием этого документа в трех-четыре регионах могут задействоваться новые «мины». Данное обстоятельство, наряду с возможной радикализацией мегрельского и сванского сепаратизма, чревато не только осложнением общественно-политической ситуации в стране, но и может привести к дестабилизации обстановки в

регионе. Как относятся к такой перспективе развития событий соседние с Грузией государства?

Нынешние власти Турции, придерживающиеся позиций умеренного ислама, но мечтающие об османском возрождении своей страны, стремятся к расширению турецкого присутствия в Грузии, впрочем, как и в целом на Кавказе. Но для решения этой задачи Турция вынуждена ограничиваться методами ползучей экономической экспансии; она избегает вмешательства во внутренние дела Грузии, способного нанести ущерб интересам старшего партнера по НАТО – США. Объективно в Анкаре заинтересованы в сохранении политической стабильности в Грузии, исходя из турецких экономических интересов на Южном Кавказе, прежде всего необходимости функционирования в бесперебойном, стабильном режиме нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

Другой региональный сосед Грузии – Азербайджан имеет претензии к Тбилиси, вследствие дискриминационного отношения к азербайджанскому населению Марнеульского района, а также соседних с ним населенных пунктов. Сложными являются отношения двух стран, основанные также на территориальных спорах. В частности, в Тбилиси требуют восстановления юрисдикции ГПЦ на уникальный комплекс пещерных монастырей Давид Гареджи, частично расположенный на территории Азербайджана. Комплекс находится в 60 км к юго-востоку от Тбилиси и охватывает территории трех районов Грузии: Гардабанского, Сагареджийского и Сигнахского. К нему относят порядка 20 высеченных в скалах монастырей, среди которых главным считается Лавра св. Давида, находящаяся на северном склоне горы, разделяющей Грузию и Азербайджан. Ряд построек монастырского комплекса расположен на азербайджанской территории (граница проходит по вершине горы, получившей название Удабно, в честь одного из монастырей). Также на азербайджанской территории находятся монастырь Чичхиктури и церковь Воскресения. Помимо них на южном склоне горы расположено более 100 пещер, которые использовались монахами в качестве келий. Грузинская сторона считает территорию комплекса спорной, азербайджанская же относит монастырь к числу крупнейших памятников албанской культуры. В настоящее время проблема Давид Гареджи остается весьма болезненной для общественности двух соседних стран, имея в виду большую культурно-историческую и духовную ценность монастыря. Ситуация осложняется тем, что 1/3 часть государственной границы между Грузией и Азербайджаном (ее общая длина составляет 446 км) еще не определена. В 1996 г. была создана двусторонняя межправительственная комиссия по делимитации и демаркации грузино-азербайджанской границы. За полтора десятка лет она выполнила 70 % работ по уточнению государственной границы (приблизительно 300 км), но с 2007 г., в процессе проведения делимитации возникли непреодолимые препятствия – комплекс Давид Гареджи. В этих условиях проблему спорных территорий стороны пытаются компенсировать сотрудничеством в экономической сфере. Важное место в ней занимает энергетический проект Баку – Тбилиси – Джейхан, а также проект железной дороги Карс – Тбилиси – Баку. Кроме того, грузино-азербайджанский охранный альянс вместе с натовскими военными обеспечивает функционирование нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, по которому доставляется нефть в Турцию.

Тем не менее вопрос о спорных территориях не снимается с повестки дня, а в последнее время к ней добавилась еще одна проблема. Она касается право-славных ингилойцев, проживающих в трех административных районах на северо-западе Азербайджана, тяготеющих к своим этническим собратьям в Грузии. В настоящее время ингилойцы являются наиболее политически активным этническим меньшинством Азербайджана. Опираясь на поддержку ГПЦ и официального Тбилиси, ингилойский этнический элемент находится в более выгодном положении в стране, чем другие этноконфессиональные меньшинства, с чем власти Баку не склонны мириться.

В целом, грузино-азербайджанские отношения часто оказываются в состоянии кризиса, и в этом отношении немалую роль играет религиозный фактор. Последний из таких кризисов наступил из-за принятого властями Грузии решения о создании Управления по делам мусульман страны. Между тем, еще с советских времен существует реликт в виде Управления мусульман Кавказа, находящийся в Баку. В этих условиях создание аналогичной структуры в Тбилиси, к тому же наделенной полномочиями Управления мусульман Кавказа, азербайджанская сторона считает проявлением грузинского шовинизма [19].

Несмотря на наличие определенных сложностей во взаимоотношениях двух стран, в Баку поддерживают власти Грузии в их стремлении пресечь сепаратистские настроения в стране. Дело в том, что эта проблема является болезненной и для Азербайджана. Речь идет о почти миллионном населении лезгин (леков), проживающих в северных районах страны, которые требуют предоставления им культурно-национальной автономии. В этих условиях азербайджанские власти, если пойдут по пути силового решения нагорно-карабахской проблемы, могут столкнуться с радикализацией лезгинского сепаратизма. В таком случае выдержать противостояние на двух фронтах вряд ли удастся, даже при турецкой поддержке. Соответственно, в Баку прекрасно понимают, какую угрозу таит сепаратизм соседней Грузии. Кроме того, там естественным образом заинтересованы, чтобы нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан функционировал в стабильном и безопасном режиме.

Определенные трения наблюдаются сегодня в отношениях Армении с Грузией, вызванные проблемой Джавахети. По переписи 1989 г. армянское население в этой стране составляло 437 211 чел. (8,1 %) [20]. В основном оно проживает на юго-востоке Грузии, в регионе Джавахети (более 90 % жителей этого региона являются представителями армянской национальности), а также в Тбилиси. В основе грузино-армянской конфронтации в Джавахети лежат несколько причин. Прежде всего, армянское население недовольно финансовой политикой центральных властей, с безразличием относящихся к его проблемам, что ведет к росту социальной напряженности в регионе. Особенно остро стоит здесь проблема безработицы, порожденная слабой и неразвитой экономикой Джавахети. Еще в советские времена в регионе было построено 20 промышленных предприятий, которые после приобретения Грузией независимости были приватизированы и фактически перестали работать. Еще более сильный удар по экономическому положению населения нанес вывод российской военной базы из Ахалкалаки: в прежние годы практически вся жизнь здесь была сосредоточена вокруг военной базы (почти на 50 %

укомплектованной из местных жителей), являющейся центром торговли и другой коммерческой деятельности. Для сравнения: если годовой бюджет Ахалкалаки составлял 1 млн долл., то ежегодный доход от военной базы достигал порядка 12 млн долл. [21]. Кроме того, российская военная база была гарантией безопасности армянского населения Джавахети, поэтому ее ликвидация вызвала крайне негативную реакцию среди жителей региона. Временами недовольство армян приводило к инцидентам вроде того, что произошел в декабре 1998 г. близ Ахалкалаки: возмущенные действиями центральных властей население Джавахети выставило вооруженный отряд, который преградил путь военной грузинской колонне, следующей для проведения учений в этом регионе.

Не менее острой в Джавахети является проблема демографическая. По данным армянских общественных организаций региона, здесь самая низкая среди других районов Грузии рождаемость и самая высокая смертность. А по причине безработицы – и самая высокая миграция населения. Как правило, армяне выезжают на заработки в Россию, Украину, страны ЕС. При этом лидеры армянской политической организации «Джавакх», намеренной добиваться официального провозглашения Джавахети автономией, одну из причин демографической проблемы видят в переселенческой политике центральных властей, в частности заселении региона грузинами, что ведет к изменению в регионе демографической ситуации в пользу последних. Эти действия направлены на предотвращение требований армянского населения по сохранению своих прав на язык, традиции, обычаи в рамках политической автономии. С этой же целью в Джавахети были переселены аджарцы, затем парламент Грузии решил заселить регион турками-месхетинцами. Однако армянская сторона считает, что переселение сюда турок-месхетинцев должно происходить в соответствии с архивными данными о количестве и местах их проживания до момента выселения. Эта позиция обосновывается тем, что армянское население выступает против политики официального Тбилиси по расселению турок-месхетинцев в Джавахети, вдоль строящейся железной дороги Баку – Карс – Ахалкалаки, воспринимаемой армянским электоратом как связующее звено между мусульманскими странами Азербайджаном и Турцией посредством турок-месхетинцев, жителей их региона.

Наконец, армяне выражают недовольство такими фактами притеснений, как стремление центральных властей ликвидировать в Джавахети армянские школы, а также захватить их церкви. Причем подобные факты имеют место не только в регионе, но и за ее пределами. Так, ГПЦ предпринимает попытки прибрать к рукам армянские храмы и монастыри в Тбилиси (например, собор Святого Норахена) и даже в приграничном с Грузией армянском Лорийском районе. В этой ситуации население Джавахети надеется на помощь Армении, а также богатой диаспоры на Западе, но помощь оттуда приходит незначительная. Диаспоры ежегодно выделяют Армении значительные суммы, в том числе на нужды армян Джавахети, но положение последних продолжает оставаться тяжелым. В основе такой ситуации лежит два главных фактора: первый – коррупция, процветающая среди чиновников в Армении, и второй – превалирование интересов Нагорного Карабаха, куда направляется львиная доля средств зарубежной армянской диаспоры.

Проблемы есть не только у населения Джавахети, но и у армян, проживающих в Тбилиси. В частности, очень болезненно стоит вопрос принадлежности 6 армянских церквей (5 в Тбилиси и 1 в Ахалцихе), которые Армянская апостольская церковь (ААЦ) требует вернуть ей. Этому противится ГПЦ, и, учитывая ее рейтинг и влияние в стране, власти все время оттягивают решение проблемы. В этой связи можно вспомнить, какую волну протеста подняла ГПЦ после того, как пяти другим религиозным конфессиям был придан статус юридического лица публичного права. После многолетней борьбы официальную регистрацию получили ААЦ, Римско-католическая церковь (РКЦ), Апостольская церковь, Мусульманская община, Иудейская община и Баптистская церковь.

Между тем в Тбилиси упорно считают, что проблемы Джавахети не существуют. В частности, эта позиция была озвучена на встрече руководителей МИД Армении и Грузии Э. Налбандяна и Г. Вашадзе в октябре 2010 г. В ходе нее армянская сторона дала понять, что Ереван волнует вопросы сохранения религиозного, культурного наследия и образования на армянском языке в регионе. Но глава грузинского МИД позицию своего правительства в этом вопросе не обозначил. Зато было указано, что проблемы Джавахети как таковой не существует в природе [22]. Хотя, если судить по конкретным мерам центральных властей в отношении армянского населения, «проблема Джавахета» – это опасная для Грузии угроза сепаратизма, способная перейти в вооруженную конфронтацию по подобию Нагорного Карабаха, со всеми вытекающими последствиями. Ситуация сложна и тем, что, по имеющемуся среди экспертов мнению, искусственно создаваемый конфликт в Джавахети необходим центральным властям, чтобы реабилитироваться после поражения в августовской войне 2008 г., развязанной против Южной Осетии. Судя по заявлениям из Баку, в Азербайджане всерьез рассматривают возможность войны за Нагорный Карабах. В этом случае нельзя исключить, что в случае возобновления военного конфликта грузинские власти попытаются провести операцию «чистое поле» в Джавахети, воспользовавшись тем, что Армения сосредоточит свои основные военные силы вдоль границы с Азербайджаном.

Наличие армянских проблем в Джавахети, так же как и целый ряд других сложных вопросов, сохраняющихся в Грузии на межэтнической и межконфессиональной почве, говорит о кризисных явлениях в политической системе страны. Межэтническая и межконфессиональная напряженность, сродни «бомбе замедленного действия», может привести к децентрализации и регионализации Грузии; в худшем же своем проявлении она способна создать угрозу ее существованию как единому и целостному государству. Проблема Джавахети в будущем может стать одной из наиболее важных в комплексе грузино-армянских отношений. Но в настоящее время население Джавахета лишено эффективной поддержки со стороны Армении, занятой подготовкой к отражению возможной военной акции Азербайджана против Нагорного Карабаха. В этом отношении в Ереване озабочены тем, что Турция подталкивает Азербайджан к войне, обещает оказание эффективной поддержки. Это происходит в условиях, когда армяно-турецкие отношения переживают сложный период из-за отказа Анкары признать факт геноцида 1,5 млн армян в 1915 г. Кроме того, власти Армении с тревогой следят за события-

ми вокруг Ирана. Планируемая США и их союзниками по НАТО военная операция против этой страны может иметь негативные последствия и для армянского государства, с точки зрения создания угрозы его национальной безопасности. С учетом этих факторов, в Ереване вынуждены демонстрировать сдержанность в оценке дискриминационной политики властей Грузии в отношении национальных меньшинств и предпочитают не вмешиваться в их действия по пресечению сепаратистских настроений в отдельных регионах страны.

Для нейтрализации сепаратизма, в частности мегрельского и сванского, центральные власти используют разные изолированные методы. Так, например, в декабре 2011 г. президент М. Саакашвили на встрече с жителями Зугдиди объявил о начале строительства полумиллионного города на восточном побережье Черного моря, призванного стать главным торгово-экономическим центром Грузии. Город было решено назвать «Лазика» – в честь грузинского царства на западе страны, достигшего своего расцвета во II–VI вв. нашей эры. Начало работ планировалось на весну 2012 г.; тогда же следовало приступить к строительству морского порта. В этой связи в экспертном сообществе были едины во мнении, что идея строительства Лазики была подана властям американцами. Путем реализации этого проекта можно было решить ряд задач, а именно: ликвидировать проблему занятости мятежных мегрелов и сванов и таким образом предотвратить возникновение новых очагов сепаратизма в Грузии; продемонстрировать мегрелам, сванам и абхазам преимущества выбора в пользу Запада и пребывания в составе Грузии; создать вблизи границ России американскую военно-морскую базу. Кроме того, демонстрация Ирану и Армении расширяющегося присутствия военных сил США на Южном Кавказе, обеспечение бесперебойного функционирования нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, наконец, осуществление эффективного контроля над потенциально взрывоопасным регионом Джавахети рассматривались как дополнительные выгоды данного проекта.

Среди проблем, с которыми приходится сталкиваться Грузии, далеко не последнее место занимают вопросы межконфессиональных отношений. После распада СССР, повлекшего за собой ревизию в Грузии (как и в других странах на постсоветском пространстве) советской идеологии, возникла естественная потребность заполнения образовавшегося вакуума, поиска путей для достижения высокого уровня самоидентификации общества. Уже в начале национального движения в Грузии стала просматриваться радикально-лозунговая тенденция к замене советской идеологии на западную демократию, атеизма на грузинскую православную веру, прославления образа грузина с его «славной, многовековой православной историей». Обязательными атрибутами митингов, голодовок протеста, демонстраций, манифестаций, прокатившихся по стране в этот смутный период, наряду с национальными трехцветными флагами и портретами известных грузинских общественных и политических деятелей, стали также атрибуты ГПЦ. Триада слов «отечество, язык, вера», неизменно сопровождаемая лозунгом «Да здравствует свободная, демократическая, христианская Грузия!», определяла тогда внешний облик грузинского национального движения. Православная религия стала необходимым,

естественным подспорьем в этом процессе, хотя в действительности значительная часть грузинского электората внутреннюю готовность к возвращению в лоно христианства и принятию его ценностей еще не обнаруживала. Зато для многих людей (особенно в среде молодежи) объектом для подражания стал крайний радикализм лидеров национального движения – З. Гамсахурдиа, М. Костава, Г. Чантурия и др., стремившихся преподнести себя «героями Грузии, ее православными сыновьями», ведущими борьбу за избавление страны от «коммунистического гнета».

Между тем преваляние националистических, радикальных методов в действиях протестного электората было чревато эскалацией напряженности в стране, способной привести к трагическим последствиям. Собственно, трагедия и произошла 9 апреля 1989 г. в Тбилиси. В 3 часа ночи, когда уже не вызывало сомнений, что карательные войска вот-вот двинутся на участников акции голодовки и поддерживающих их манифестантов, к людям вышел Каталикос-Патриарх всея Грузии Илья Второй. Предупредив толпу, что ситуация выходит из-под контроля и что неминуемы человеческие жертвы в ходе столкновения, он предложил проследовать вместе с ним в церковь Кашуети (напротив Дома правительства) и молиться там «во благо спасения Грузии», т. е. недопущения кровопролития. Но митингующие не вняли совету Патриарха: подстрекаемые лидерами неформалов, они ответили дружными выкриками «нет!» (при этом многие в толпе держали в руках свечи, освященные в церкви). Как отмечают грузинские историки, авторы нового академического издания истории Грузии в 4 томах, это была трагическая, роковая ошибка. Во время карательной акции на площади перед Домом правительства погибли люди, десятки митингующих получили тяжелые травмы, сотни оказались отравлены слезоточивым газом. Утром 9 апреля в столице был введен комендантский час [23].

ГПЦ выступила с резким осуждением этой акции, и с этого времени она автоматически стала союзником национального движения в стране. Как следствие, после провозглашения независимости Грузии ГПЦ превратилась в один из важнейших атрибутов новой государственности. Церковь стала осуществлять сотрудничество с властями в решении широкого спектра вопросов, как во внутривластной жизни государства, так и в области его внешней политики. Все значимые мероприятия, проводимые в стране, уже не обходились без присутствия священнослужителей или их личного участия.

На националистических позициях пребывала ГПЦ на протяжении всего периода сложного, драматичного по своему накалу противостояния властей с автономиями Абхазии и Южной Осетии. Церковь выражала глубокую скорбь по погибшим грузинским боевикам, участникам операций по «наведению конституционного порядка» в этих автономиях, и при этом не обмолвилась словом в защиту жителей Сухума и Цхинвала, пожилых людей, женщин и детей, ставших невинными жертвами распясавшихся боевиков. Наиболее показательным примером в этом отношении стали трагические события в Южной Осетии в августе 2008 г.: ГПЦ, неофициально поддержав проведение военной акции против нее, де-факто придерживалась принципов «двойных стандартов», руководствуясь правилом «свой – чужой». Также не выдерживает никакой критики тот факт, что «Общество Ильи Праведного» в

начальный период национального движения распространяло среди грузинской молодежи прокламации, в которых содержались призывы не допустить «смещения крови» с представителями нацменьшинств, «во имя сохранения чистоты грузинской нации». Печально, но руководство ГПЦ не посчитало тогда, что необходимо отреагировать на эти вопиющие факты...

Политика моноэтнизации Грузии, проводимая властями при поддержке церкви, наносит ущерб, прежде всего, титульной грузинской нации. Это тупиковая политика. Человечество в ходе своего исторического развития не раз сталкивалось с проблемами такого рода, решение которых приводило к непредсказуемым последствиям. Данное обстоятельство должно учитываться в государствах на постсоветском пространстве, в ходе их национального строительства. Прежде всего, имеется в виду достижение позитивного статус-кво во взаимоотношениях между отдельными этносами, включая их духовную жизнь. В современной же Грузии в этом отношении дела обстоят далеко не лучшим образом. В стране отчетливо просматривается нарушение баланса между светской и духовной жизнью общества, в том числе путем возвышения властями официального статуса ГПЦ над другими религиями и конфессиями. И это происходит в условиях, когда здесь насчитывается более 16 конфессий! Согласно ст. № 9 Конституции Грузии, принятой в 1995 г., государство признавало исключительную роль ГПЦ в истории страны, но при этом декларировалась свобода вероисповедания и независимость церкви от государства. Но, как оказалось, такая формулировка оставила поле для маневра тем, кто выступал за повышение роли ГПЦ в общественно-политической жизни страны. В законодательной форме это желание было реализовано в марте 2001 г., когда парламент принял поправки в Основной закон страны. В частности, ст. № 9 Конституции была дополнена пунктом № 2, предусматривающим применение органами власти строгих мер против религиозного экстремизма, т. е. недопущения насилия на религиозной почве. На деле это вело к официальному оформлению положения ГПЦ, как «первой среди равных»: она становилась единственной религиозной конфессией, получившей конституционный статус. Данное положение окончательно было закреплено в Конституционном договоре от 14 октября 2002 г. Анализируя отдельные его статьи, грузинский политолог И. Хаиндрава справедливо замечает, что «фактом самого наличия этого договора прямо или косвенно признается, что дела в области свободы религии, межконфессиональных отношений в Грузии обстоят не лучшим образом». Далее он приходит к заключению, что договор между властями и ГПЦ «никак не соответствуют современным демократическим стандартам» [24]. Полностью разделяя это мнение, историк Н. Папуашвили пишет: «Со времен перестройки, когда активизировалось национально-освободительное движение, определенная категория духовенства и общества оказалась в плену церковно-национальных и ультраклерикальных эмоций» [25].

В условиях, когда в государственный бюджет поступают налоги, взимаемые не только с православных граждан, но и последователей других религий, только ГПЦ пользуется финансовой поддержкой президентского и правительственных фондов. Церкви были передано значительное количество недвижимости – зданий, других строений, а также лесов и сельхозугодий. Одновременно она освобождалась от уплаты налогов

в бюджет государства. Наконец, правительством было принято решение о возвращении всего церковного имущества, конфискованного в советское время. В этой связи, рассматривая отдельные статьи Договора (прежде всего ст. № 11, в которой государство берет на себя частичные обязательства по реституции), историк из Грузии З. Кикнадзе квалифицировал их, как «весьма одиозные» [26].

Формирование конституционно закрепленного привилегированного статуса ГПЦ происходило в условиях, когда радикально настроенная часть ее паствы практически безнаказанно осуществляла погромы представительств других конфессий, публично сжигала неугодную религиозную литературу. В июле 2002 г. был учинен погром в офисе неправительственной организации «Институт Свободы», руководство которой осмелилось высказаться в защиту пострадавших. Эти варварские акции ГПЦ опять-таки упорно не замечала: не было осуждения их также со стороны официальных властей.

Отмеченные выше проблемы, с которыми сталкиваются власти Грузии, естественным образом отражаются на внутривнутриполитическом развитии страны и ее внешней политике, на отношениях с ближайшими соседями, включая Россию. Отношения с ней после войны в августе 2008 г. де-факто оказались в тупиковой ситуации. Грузинская сторона тесно увязывает вопрос об их нормализации с вопросом о спорных территориях. Но в Москве не склонны включать проблему Абхазии и Южной Осетии в формат переговоров. Это независимые государства, официально признанные Россией и связанные с ней узами стратегического партнерства на Кавказе. Отказаться от него означало бы утрату Россией своих позиций в регионе, чего нельзя допустить. Тем более что Грузия, обозначив желание нормализовать отношения с северным соседом, свое будущее по-прежнему видит в стратегическом союзе с США – геополитическим соперником России на Кавказе, открывающим двери для вхождения Грузии в НАТО. Поэтому в вопросе нормализации двусторонних отношений сначала надо определиться, в каком контексте это может произойти? Как отразится решение проблемы на национальных интересах России на Кавказе? И потом, прежде чем говорить о нормализации отношений, власти Грузии должны официально признать, что на протяжении всего постсоветского периода в стране осуществлялся геноцид осетинского народа – подобно тому, что имел место в начале 20-х гг. минувшего столетия в меньшевистской Грузии. Далее, в Тбилиси должны принести официальные извинения за расстрел российских миротворцев в августе 2008 г. Следует арестовать и предать суду военных чиновников, отдавших этот преступный приказ. Нельзя создавать прецедент, когда нападение на военнослужащих ядерной державы, к тому же приведшее к жертвам среди них, может оставаться безнаказанным.

Таково реальное положение дел в российско-грузинских отношениях. Выражаясь языком спорта, «мяч сегодня находится на половине грузинского поля»: в Тбилиси должны определиться: признать независимость Абхазии и Южной Осетии и нормализовать таким образом отношения с Россией, или же продолжить прежний конфронтационный курс. Первый путь приведет к восстановлению исторически добрососедских отношений с Россией – государством, не раз спасавшим грузинский народ от угрозы физического уничтожения со стороны Персидской державы и

Османской империи; второй же путь является тупиковым. В нынешних условиях то, что можно сделать, – это приступить (при условии отмены сторонами визового режима) к налаживанию торгово-экономических связей, взаимодействию в области энергетики и транспорта, культурному обмену, сотрудничеству в области туризма, спорта.

Важную роль в усилении позиций Российской Федерации на Кавказе играет ее стратегический партнер – Армения. Значимость этого государства при нынешней расстановке сил в регионе существенно превосходит простой набор таких факторов, как размеры территории, численность населения, экономические и прочие ресурсы. Являясь важнейшей составной частью Закавказья, Армения в силу своего географического и геополитического положения, особенностей исторических связей с Россией может при правильной организации тесного взаимодействия стать не только надежным союзником Москвы, но и выдвинутым далеко на юг стратегическим плацдармом российской влияния на Кавказе. Серьезными обстоятельством, обусловившим прочные основы для российско-армянского сотрудничества на перспективу, надо считать традиционное недоверие Армении к Турции, которая рассматривается Ереваном как главный источник внешней угрозы. В этом смысле усиление позиций России в регионе объективно выгодно властям Армении, связанным в своих внешнеполитических действиях, в том числе, проблемой Нагорного Карабаха. Хотя вряд ли можно ожидать, что в ближайшей перспективе произойдет коренной пересмотр политики Москвы по отношению к данной проблеме. Более всего вероятно, что российское руководство продолжит прежнюю политику поддержания союзнических отношений с Арменией и нормальных (насколько это возможно) связей с Азербайджаном. Такой курс является гарантией безопасности Армении и невозобновления военных действий в Нагорном Карабахе. В обозримом будущем российская дипломатия сохранит за собой роль посредника между конфликтующими сторонами, но она не станет проявлять большую, чем прежде, активность по вопросу определения статуса Нагорно-Карабахской Республики (НКР) и в плане выработки условий мирного урегулирования нагорно-карабахской проблемы. Как и раньше, в этих вопросах Москва предпочтет передавать инициативу в руки самих участников конфликта.

Негативные процессы, связанные с территориальными и этническими конфликтами на Южном Кавказе, развиваются на фоне острых социально-экономических проблем, которые свойственны государствам этого региона в постсоветский период. Они отрицательно воздействуют на их развитие. В то же время создание евразийского транспортного коридора могло бы принести Азербайджану весьма существенные дивиденды, выдвинуть его в число крупнейших поставщиков энергоносителей на мировой рынок. Кроме того, вместе с Грузией он мог бы стать транзитной страной для казахстанской нефти, туркменского газа, узбекского хлопка. В свою очередь, Армения получила бы долгожданный шанс выйти из губительной для нее экономической блокады и вписаться в региональные интеграционные процессы. Такая перспектива вполне устроила бы Россию, заинтересованную в налаживании новых интеграционных связей с южными соседями, расширении и диверсификации взаимовыгодных торгово-экономических и других связей с ними.

Однако действительно эффективными эти связи могут быть при условии исключения закавказскими партнерами политико-конъюнктурного составляющего их взаимодействия с Россией. В этой связи неуместными выглядят обвинения властей Азербайджана и Грузии, что Россия стремится воспрепятствовать реализации проекта евразийского коридора для экспорта и транспортировки каспийской нефти без своего участия и с этой целью оказывает поддержку сепаратизму в государствах южного Кавказа. Но если в данном случае имеются в виду абхазская и юго-осетинская проблемы, то в подходе к их решению учитывались национальные интересы России – в данном случае необходимость защиты своих граждан в Абхазии и Южной Осетии, а также обеспечения безопасности на юге страны. Последний фактор остается в повестке дня, учитывая, что прозападные тенденции в политике Грузии и Азербайджана совпадают с американскими стратегическими целями, состоящими в переделе Кавказа, вытеснении из этого региона России и усилении здесь влияния США и их «атлантического» союзника – Турции. Этим же вызвано желание Вашингтона содействовать реализации проекта евразийского транспортного коридора. Он обеспечит американский контроль над энергетическими ресурсами Азербайджана, а также соответствующей инфраструктурой государств южного Кавказа – трубопроводами, рынками, управляющими системами и т. д.

Исходя из этого, политическая стабильность в Азербайджане и Грузии исключительно важна для администрации США. Параллельно с оказанием военно-технической помощи Грузии она с целью обеспечения надежной стабильности транспортных коммуникаций, намерена активно содействовать усилению военного потенциала Азербайджана высокотехнологическими системами вооружений. Прежде всего, речь идет о решении начать поставки в Азербайджан системы ПВО «Пэтриот», системы защиты вертолетов, спутникового оборудования и пр. Целью этих поставок является повышение возможностей Азербайджана по защите объектов энергетической инфраструктуры, а также границы с Ираном.

Таким образом, складывающийся геополитический контекст в регионе Южного Кавказа достаточно прозрачен: Грузия является безусловным союзником США, равно как и Азербайджан. Эти государства пристегнуты к Западу территориальными проблемами и стратегическими союзами – Грузия к США, Азербайджан к Турции. Единственный актор в регионе, который рассматривается Западом в качестве союзника России, это Армения. Вне всякого сомнения, США и их атлантические союзники будут наращивать давление на армянское государство, чтобы нейтрализовать его в качестве стратегического партнера РФ или, в идеальном случае, переориентировать на Запад. В этой ситуации следует приложить максимум усилий, чтобы не дать возможности осуществиться этим планам. Для России решение этой задачи представляется особенно важным сегодня, в условиях нарастающего политического противостояния с США и их атлантическими союзниками, и вызванной этим необходимостью защиты своих национальных интересов в кавказском направлении.

Одновременно с решением задачи по установлению полного (или частичного, но влиятельного) контроля над государствами Южного Кавказа США и их

западные партнеры ставят своей целью максимальное ослабление позиций России на Северном Кавказе. Здесь наша страна уже в первые годы своего существования столкнулась со значительными трудностями. Прежде всего, они были связаны с конфликтом в Чечне, получившим за рубежом широкий общественный резонанс. События в этой северокавказской республике с беспокойством были восприняты в мире. Международное сообщество осудило крайние меры (применение военной силы), к которым прибегли в Москве для восстановления российских конституционных норм в Чечне и сохранения, таким образом, территориальной целостности страны.

В начальной стадии конфликта на Западе демонстрировали в целом сдержанность в отношении действий федерального Центра. Там открыто не осуждали ельцинское руководство за ввод войск в Чечню и последующие военные действия, приведшие к значительным потерям с обеих сторон, разрушению населенных пунктов, гражданских объектов, промышленной и другой инфраструктуры в республике. В своем подходе к чеченским событиям в западных столицах исходило, прежде всего, из опасения, что на предстоящих выборах в России к власти могут прийти коммунисты. С целью недопущения подобного хода развития событий там избегали открытого вмешательства в кавказские дела.

С другой стороны, на Западе с выгодой для себя стремились использовать ослабление позиций России на Северном Кавказе в результате чеченского кризиса. Поэтому после победы Б. Ельцина на президентских выборах в 1996 г. их отношение к действиям федеральных властей в Чечне полностью изменилось. Была развязана шумная кампания по дискредитации национальной политики России на Северном Кавказе; резко осуждению подверглось применение военной силы в Чечне, выдвигались требования по выводу федеральных войск за пределы республики. Силы, противостоящие российским военным в Чечне, стали получать солидную «подпитку» из-за рубежа в виде финансовых средств, оружия, боеприпасов. В конфликтную зону прибывали иностранные добровольцы, а также инструктора, прошедшие подготовку в Афганистане. В результате иностранная помощь сыграла важную роль в неудаче операции по установлению эффективного контроля над мятежными районами Чечни. Подобный исход был предопределен и вследствие слабости в действиях руководства федеральными силами, хотя они значительно превосходили вооруженные формирования боевиков – как в живой силе, так и технике.

В 1999 г., во время военного конфликта в Дагестане, в западных СМИ обсуждался вопрос о направлении в эту республику натовских миротворцев. Предлагалось ввести миротворческие силы также в Ингушетию, что должно было закрепить постоянное присутствие Запада на юге России. В том же году в ряде столиц западных стран прошли массовые демонстрации, участники которых в резкой форме осудили действия Москвы на Северном Кавказе. Стал выстраиваться фронт противодействия кавказской политике России, активными участниками которого были действующие на территории США радикальные группировки и организации («Исламский круг Северной Америки», «Исламская община Северной Америки», «Мусульманская студенческая организация» и ряд

других). Их работой руководила ведущая исламская структура, действующая в стране, – «Верховный исламский совет Америки». Отношение властей США к деятельности этих организаций строилось на принципе «двойных стандартов»: объявив о противодействии проявлениям экстремизма, они, в то же время, не запрещали исламистам проводить в разных городах страны антироссийские акции.

С конца лета 1999 г. в некоторых западных столицах активизировались антироссийские выступления в связи с военными операциями федеральных войск в Дагестане и Чечне: руководство России обвинялось в «чрезмерном, необоснованном применении военной силы». Консолидированная позиция западных стран в отношении событий на Северном Кавказе была изложена в ходе визита в Москву в декабре 1999 г. первого заместителя госсекретаря США С. Тэлботта. От России требовалось прекратить боевые действия в Чечне и приступить к переговорам с руководством боевиков. В противном случае взаимоотношения России с международным сообществом могли быть подорваны, и ее ожидало дальнейшее ухудшение отношений с Западом. Ответ на это требование поступил из российской столицы незамедлительно: руководивший в то время правительством В.В. Путин заявил, что удары по бандитам будут наноситься везде, где только они появляются, в том числе и Чечне, ибо она является территорией России [27].

Сильное давление было оказано на Россию во время работы саммита ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. В ходе него лишний раз выявилось то, что политика Евросоюза в отношении России строится с постоянной оглядкой на Вашингтон и учитывает американские интересы. В результате из 54 стран – членов ОБСЕ российские действия в Чечне поддержала только Белоруссия, остальные же их осудили. На сессии ПАСЕ (январь 2000 г.) России уже фактически был предъявлен ультиматум: немедленно прекратить военные действия и начать переговоры с избранным чеченским руководством. В противном случае ей грозили исключением из состава ПАСЕ на сессии этой организации, намеченной на апрель 2000 г. [28]. Но в Москве заявили, что Северный Кавказ, являющийся частью России, стал объектом нападения международного терроризма, и призвали мировое сообщество оказать содействие в его отпоре. В отличие от Запада, это обращение было услышано в большинстве стран исламского мира: их руководители поддержали меры, принимаемые в Чечне, обещали перекрыть все каналы подпитки чеченских боевиков и оказать помощь пострадавшей от военных действий республике. Эти обещания стали воплощаться в жизнь уже после поездки А.-Х. Кадырова в Сирию, Египет, Ирак и Иорданию (2001 г.). В ходе нее был достигнут ряд договоренностей об оказании финансовой помощи в восстановлении Чечни, воссоздании экономики республики и ее социальной сферы.

Помощь арабских стран стала поступать в Чечню через правительство России, представительства ООН. Среди проектов, которые было намечено реализовать с арабской помощью, значился ряд объектов здравоохранения и образовательных учреждений. В 2003 г. прошла встреча А.-Х. Кадырова с делегацией Саудовской Аравии, в ходе которой обсуждался круг вопросов, связанных с международной безопасностью и помощью в развитии Чечни. На встрече была достигнута договоренность о прекращении работы в

республике некоторых международных гуманитарных арабских организаций, поддерживаемых Эр-Риядом.

Позиция большинства стран арабского мира в чеченском вопросе была вполне однозначной: поддержка борьбы с сепаратизмом и терроризмом, невмешательство во внутренние дела России, обеспечение проблемой беженцев. Так, ОАЭ, Алжир и Тунис осудили проявления сепаратизма и экстремизма и выразили удовлетворение тем, что власти активизируют политическую работу с населением Чечни, не ограничиваясь лишь военными операциями. Из этих стран через объединение «Красный полумесяц» стала поступать материальная помощь в республику. В свою очередь, Кувейт и Бахрейн подтвердили свое отстраненное отношение к чеченской проблеме, как к внутреннему делу России; близкие оценки прозвучали и в руководстве Ливана. Наконец, осуждению подверг проявления терроризма Верховный муфтий Сирии шейх Ахмед Куфтаро: «Политики пытаются противопоставить одних мусульман другим, и в этом плане события в Чечне напоминают то, что происходило во многих арабских странах», – заявил он [29].

На этом фоне совершенно другие настроения царили на Западе: там проигнорировали меры, принимаемые федеральным Центром вместе с чеченским руководством по скорейшей нормализации обстановки в Чечне. Это было закономерное явление, ибо свою главную цель лидеры ведущих стран Запада видели не в содействии мирному процессу, а в решении другой задачи: «обеспечении политического решения конфликта». Исходя из этого, США и некоторые их западные союзники отказались признать результаты всеобщих выборов президента Чеченской Республики в октябре 2003 г., квалифицировав их как «не соответствующие международным нормам и стандартам» [30]. Такой подход вновь свидетельствовал об использовании принципа «двойных стандартов» в политике ведущих стран Запада на Кавказе.

Между тем уверенно победивший на выборах А.-Х. Кадыров заложил основу процессу восстановления мира и спокойствия в Чечне. После его трагической гибели в мае 2004 г. программу строительства в республике успешно реализует новое руководство во главе с Р. Кадыровым, сделавшее вместе со своим народом выбор в пользу мирного, позитивного развития в составе Российской Федерации.

Подведем некоторые итоги. Анализ произошедших за последнее время изменений в районе Большого Кавказа дает основание констатировать, что они были обусловлены геополитическими факторами, связанными, прежде всего, со стремлением США и других западных держав обеспечить здесь свое господство, установить контроль над каспийской нефтью и газом, а также системами их транспортировки на Запад. Новая геополитическая конфигурация, формирующаяся на Кавказе, в рамках которой происходит усиление присутствия США в регионе, пока еще сбалансирована тем, что Российской Федерацией в основном контролируются главные маршруты экспорта энергоносителей. Объективно она заинтересована в развитии и углублении сотрудничества с государствами Южного Кавказа, интеграцию с ними, использовании накопленного совместного опыта политических, экономических и научно-технических связей. Такое сотрудничество будет служить интересам сохранения мира и стабильности на Кавказе, укреплению добрососедских отношений между кавказскими государствами на

основе взаимного учета интересов и ответственности за будущее наших народов.

Если в ближайшие годы развитие Российской Федерации сохранит устойчивый характер, можно ожидать дальнейшей активизации ее политики на Кавказе. На сегодняшний день стратегию здесь в основном определяют нерегиональные державы, в первую очередь США, опирающиеся на военную мощь НАТО. При этом главная стратегическая задача Вашингтона остается неизменной: вытеснение РФ с Южного Кавказа, лишение ее не только возможности участвовать в разведке, разработке и транспортировке нефти и газа, но и вообще изоляции от этого региона, отлучении от кавказских дел. Эта цель реализуется, в том числе, с помощью Грузии и Азербайджана. Такая ситуация создает угрозу интересам национальной безопасности России;

она требует от нее наращивания усилий в кавказском направлении. Необходимо активнее продвигаться по тем конкретным направлениям, которые отвечают фундаментальным интересам страны в районе Большого Кавказа.

Ситуация в этом районе должна быть поставлена под совместный контроль международных центров силы, путем эффективного использования механизма ООН, других международных организаций, т. е. должны быть урегулированы мирными средствами территориальные и межэтнические конфликты и преодолены их последствия. Нарушение хрупкого баланса сил в районе Большого Кавказа в пользу США может привести здесь к новому витку напряженности, превратить Кавказ в один из нестабильных районов земного шара, со всеми вытекающими негативными последствиями.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Дегоев В.В.** О кавказском вопросе и будущем России // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 65.
- 2. Нужен ли Кавказ России?** // <http://newsland.com/news/detail/id/782647/> (дата обращения: 5. 04. 2013).
- 3. Маркедонов С.** Россия проиграла геополитический тендер. <http://www.apn.ru/publications/print1399.htm> (дата обращения: 15.08.2012).
- 4. Бжезинский З.** Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство (пер. с англ. яз). – М.: Международные отношения, 2007. С. 86.
- 5. Этот день в истории** // <http://ubr.ua/history/0920/2166> (дата обращения: 6.04.2013).
- 6. Место Кавказа в геополитике США** // <http://kavpolit.com/mesto-kavkaza-v-geopolitike-ssha-2/> (дата обращения: 3.04.2013).
- 7. Буров А.А.** Специфика Кавказско-Каспийского региона как геополитической конструкции // Ученые записки. № 4, 2008. С. 6.
- 8. Вылов осетровых рыб в России и торговля ими (российская часть Каспийского бассейна)** // <http://www.internevod.com/rus/academy/sci/04/osetr.shtml> (дата обращения: 5.04.2013).
- 9. US Policy toward the Caucasus and Central Asia.** Statement by Ambassador at-Large and Special Advisor to Secretary of State Stephen Sestanovich at the House of Representatives International Relations Committee. 30 April 1998.
- 10. Бжезинский З.** Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе // Независимая газета. 1997. 24 октября.
- 11. Семедов С.** Кавказ во внешней политике США // Обозреватель - Observer. № 8, 2007. С. 74.
- 12. Чуфрин Г.М.** Бассейн Каспийского моря: измерение безопасности // Ежегодник СИПРИ. – М.: Наука, 1999. Вооружение, разоружение и международная безопасность. С. 237–257.
- 13. Федоров Ю.** Российско-американские отношения: от администрации Дж. Буша до администрации Б. Клинтона // http://www.rau.su/observer/N15_93/15_08.HTM (дата обращения: 3.04.2013).
- 14. Коммерсантъ.** № 82(305). 1993. 5 мая; № 90(313). 1993. 15 мая.
- 15. Армяно-азербайджанская война из-за Нагорного Карабаха** // <http://www.obraforum.ru/lib/book3/section4.htm#> (дата обращения: 2.04.2013). Однако договор 1991 г. не был ратифицирован Государственной Думой России, поскольку депутаты сочли, что он может вовлечь Россию в конфликт с Турцией и Азербайджаном. В 1995 г. был подписан специальный российско-армянский договор о сохранении российской базы в Армении сроком на 25 лет с возможностью автоматического продления еще на 5 лет. 29 августа 1997 г. вместо договора 1991 г. между двумя странами был заключен новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Армения, таким образом, становилась наиболее активным военно-политическим союзником России в Закавказье.
- 16. Крылов А.Б.** Новые участники дипломатической игры // Независимая газета. 1996. 17 сентября.
- 17. Полный разбор грузинской войны...** // http://rusblog31.blogspot.ru/2012/08/blog-post_8452.htm (дата обращения: 17. 03.2013).
- 18. Грузинский парламентарий считает «провокацией» перевод Библии на сванский и мегрельский языки** // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=2236> (дата обращения: 17.02.2013).
- 19. Кямал А.** Грузино-азербайджанские отношения вновь трясет // <http://www.sknews.ru/rubriki/transcaucasus/49834-gruzino-azerbajdzhanskije-otnosheniya-vnov-tryaset.html> (дата обращения: 25.03.2013).
- 20. «Заря Востока».** Тбилиси, 1990. 10 марта.
- 21. Армянский сепаратизм: от Карабаха до Джавахети** // <http://forum.bakililar.az/index.php?showtopic=78640> (дата обращения: 9.04.2013).
- 22. В Грузии может появиться свой Карабах** // <http://www.pravda.ru/world/formerussr/georgia/17-10-2010/1053545-javah-0/> (дата обращения: 9.04.2013).
- 23. История Грузии** (на груз. яз.). В 4-х томах; Изд. 2-е / Под ред. акад. М. Лордкипанидзе; Т.4. Грузия в XIX–XX веках. – Тбилиси: Изд-во «Палитра», 2012. С. 500–501.
- 24. Хаиндрава И.** Религия в Грузии: XXI век // Религия и политика на Кавказе. Сборник материалов международной конференции / Под ред. А.В. Искандеряна. – Ереван: КИСМИ, 2004. С. 63.
- 25. Папуашвили Н.** Мировые религии в Грузии (на груз. яз.). – Тбилиси: Изд-во Института Свободы, 2002. С. 95–96.
- 26. «Свобода».** – Тбилиси: Изд-во Института Свободы, №1 (13), 2003. С. 3–43.
- 27. История Чечни с древнейших времен до наших дней.** В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 775.
- 28. Гусейнов В.А.** Эволюция позиции Запада в чеченском вопросе. http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/15_evolution.html (дата обращения: 22.08.2012).
- 29. www.religion.ru** (дата обращения: 15.08.2012).
- 30. Грозненский рабочий.** 2003. 10 октября (№21).